

Тайна пола в православной традиции

Мне кажется, что Бог создал мужчину и женщину, чтобы они стали мамой и папой. Вы подумаете, какая я еще маленькая. И сейчас, в свои 19 лет, пока мама не поцелует меня, я не могу уснуть.

Так повелось с детства. Даже после того как мои родители разошлись (мне было тогда года 4), папа приходил каждый вечер домой, чтобы поцеловать меня, иначе я не засыпала. Когда мама забирала меня вечером из детского сада (часто самой последней), я чувствовала себя счастливой: она держала меня за руку и слушала последние мои новости. Мы шли домой, несмотря на угрозы вредных воспитательниц, что когда-нибудь я останусь в интернате. Но я знала, что у мамы много работы, и с нетерпением ждала ее прихода. А пару раз меня забирал папа. Это было настоящее событие в моей жизни. Тогда все на свете (друзья и подруги, нянечки и воспитательницы, и просто прохожие) должны

были узнать, что мой папа – самый лучший человек. Увидев его, я бежала ему навстречу с радостным “Папа!”. Первые мои детские кошмары были связаны с мыслью о возможной смерти родителей. Самым страшным для меня была разлука с ними, а тем более вечная (так мне объясняли смерть). Ночами я плакала в подушку, ведь я не могла поверить, что они могут уйти и не вернуться. Но однажды я поняла, что взрослые что-то перепутали и таких расставаний “навсегда” не бывает... С тех пор я стала думать о Боге.

Я любила их больше всех и не задумывалась, за что и почему. Наверное, Бог сотворил мужчину и женщину, чтобы в мире родилась любовь.

Елена, 19 лет

Корр.: Отец Андрей, почему Церковь так несправедлива к женщине? Ей нельзя быть священником, ей нужно постоянно носить платок, бояться мужа и т.д. Почему она занимает такое подчиненное положение?

О.А.: Лозунги о несправедливости рождаются как? Сначала человеку внушают, что у него есть права, о существовании которых он и не подозревал, а потом заявляют, что этих прав ты лишен. Жил себе человек спокойно без всякого CD-рома, вдруг говорят, что каждый порядочный человек имеет CD-ром, а тебя этот коммунистический, воровской режим лишил права на пользование CD-ромом. Человек, который доселе даже не знал, что это такое, начинает смысл своей жизни видеть в борьбе за обладание CD-ромом. Вот так же и здесь. Кроме того, важно уметь различать – где действительно права и их нарушение, а где нечто иное. Да и сущность человека совсем не сводится к борьбе за свои права или к реализации этих прав. Помимо того, что у человека есть права, в его жизни имеет место еще и служение.

Так вот священник – это священнослужитель. Это не человек, который обладает правами священника, напротив, он несет послушание священника, служит... Если рассуждать дальше о “дискриминации” женщины в Церкви, то, в принципе, можно отыскать нечто, что выглядит как дискриминация женщины – на уровне книг (т.е. слов о женщинах в аскетических руководствах для монахов) и некоторых приходских привычек. И здесь надо помнить, что общая особенность всей традиционной литературы во всех культурах, во всех странах, во всех веках – это то, что литература (как и политика, и культура) всегда была мужской. До нас почти не дошло свидетельств о богословской духовной жизни женщин-христианок.

Отдельные изречения так называемых амм (вот у нас мама, а в Египте амма; авва – отец, амма – мать). Мы знаем всего несколько их удивительных изречений. В основном же, конечно, церковная литература прошлого – это литература мужская.

Только сейчас, уже на наших глазах рождается православная женская богословская мысль. Она уже отмечена замечательными именами: Татьяна Горичева в Париже, Олеся Николаева и Ирина Силуянова в Москве. Замечательные православные философы: Пиама Гайденко, Рената Гальцева. Есть интересные и яркие имена. Но это нечто совершенно новое. Хотя Церковь ничего против их творчества не имеет: книги Силуяновой и Николаевой издает Троице-Сергиева Лавра. Самый консервативный мужской монастырь, но именно он в данном случае проявляет вполне похвальный модернизм. А традиционная монашеская литература – мужская – естественно, писалась “для своих”: старец обращается к своим послушникам, при этом ему хорошо известно, что у этих послушников есть фундаментальный половой инстинкт,

они не евнухи. Естественно, что этот инстинкт, у большинства из них ориентирован в нормальную сторону – на девушек. Поэтому старец и говорит: смотрите, уклоняйтесь от общения с молодыми девицами, чтобы не было повода никаким искушениям, мыслям и т.д. Одним словом, вполне понятные принципы аскетики. Кстати сказать, общие для всех религий, где есть аскетическая традиция (в буддизме, например, похожие правила есть).

Корр.: Вы хотите сказать, что и здесь нет никакой дискриминации?

О.А.: Конечно. Более того, если бы до нас дошли письма, написанные старицами женских монастырей, там тоже самое было бы сказано по поводу юношей: избегайте встреч с юношами, чтобы их образ не носить в себе, не встречайтесь и не беседуйте с ними и т. д. Здесь речь идет не о том, что женщина хуже мужчины (или наоборот), а о том, что у нормального человека всегда есть эротический интерес к противоположному полу. И если задача монашества состоит в том, чтобы взять под контроль этот инстинкт – не отсечь его, а преобразить, в любовь ко Христу – то соответственно в женских монастырях будут говорить: будьте осторожны при общении с юношами; а в мужских – будьте осторожны при общении с девушками. Повторяю, именно в силу того, что литература была мужская, “мужскоязычная”, создалось впечатление, что Церковь против женщин как таковых что-то имеет. На самом же деле просто есть некоторые элементарные правила аскетики.

Ну и наконец, есть еще некоторые, уже чисто приходские особенности, и они в большинстве своем заимствованы из язычества. Сегодня почему-то модно говорить, что христианство унизило женщину, а язычество, наоборот,

превозносит. Чтобы посмотреть, так это или нет, проведем небольшой эксперимент. Вертикальный лист делим на две полосы. Правая и левая. Справа пишем “добро”, “свет”, слева – “зло”, “тьма”. Спрашивается, в какую часть следует написать “мужское”, а в какую – “женское”, если исходить из фольклора, сказок, языческой философии? Чтобы не гадать, вспомните даосский символ инь и ян, и все станет ясно: женское начало в большинстве нехристианских культур отождествляется с началом тьмы, разрушением, хаосом. Именно этому представлению и противостоит библейское повествование о сотворении человека, сотворении женщины.

Корр.: Каким образом – творением из ребра? Как любят шутить мужчины – из единственной кости, не содержащей мозга?

О.А.: Шутка эта, может, и остроумная, только вот к библейским смыслам прямого отношения не имеет. Если внимательно читать первые главы книги Бытия, то нельзя не обратить внимания на то, что мужчина создан из внешнего – из небытия, из молекул праха земного. Женщина же создана из внутреннего, из сокровенного, она взята от сердца (от ребра). Жена дана только в саду, и не раньше. Женщина – дитя сада. Мужчина создан вне сада, но женщина – именно райское создание. Далее. Когда Адам видит женщину впервые, он произносит очень странные слова: “Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть”.

Эти слова сегодня привычны для нас, поэтому мы не замечаем их странности. А ведь перед нами формула классического матриархата! Мужчина оставляет своих отца и мать и приходит к жене в дом. Во всех последующих культурах все было иначе: невеста оставляла дом родителей и

приходила под крышу к мужу. Отголоски этого сохраняются до сих пор: если муж переселяется на квартиру к жене, это зачастую воспринимается как нечто ненормальное. Библия же изначально предполагает нечто совершенно противоположное. Но затем все это изменилось, в результате грехопадения.

Корр.: Каким образом?

О.А.: Грехопадение не имеет никакого значения для сферы пола в вульгарном смысле: оно не состояло в каком-то новом, вульгарном общении между Адамом и Евой, как это часто почему-то воспринимается. Церковь никогда ТАК не воспринимала драму грехопадения, нет в Библии на это никаких прямых указаний. Не в этом было их грехопадение, а прежде всего в том, что люди не поверили Творцу, нарушили Его заповедь, свой с Ним договор. Вместе с тем, грехопадение имело прямое влияние на отношения между полами. Мы видим как последствия грехопадения изменяют изначальный замысел Бога о человеке: “К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой”, – говорит Бог жене. И так, вначале предполагалось, что муж будет уходить к жене, а кончается тем, что теперь жена будет уходить к мужу. Что-то, значит, произошло в промежутке. А в промежутке было то, что жена была одна перед древом познания. Что там произошло – это долгий разговор и прямо к нашей теме не относящийся, но когда она вкусила все-таки этот плод, то вернулась к мужу своему и предложила ему соучаствовать в этой трапезе. Вот эта сцена вызывает некоторые вопросы. А почему жена захотела, чтобы муж стал соучастником ее проступка? Здесь есть два возможных толкования. Одно из них иудейское, раввинистическое, выдает глубокое знание женской психологии.

Согласно этому толкованию, Ева почувствовала, что умирает. И тогда она подумала: “Как же так, вот я умру, а Адам останется жить, и Бог даст ему новую жену, и он будет с нею счастлив без меня! Да не будет этого!” Поэтому она решает отравить и Адама. Чтобы понять это раввинистическое сказание, нужно знать, что с раввинистической точки зрения Ева – это вторая жена Адама, не первая. Первая была Лилит. И Ева, согласно этой точке зрения, знала, что жена может быть другой – поэтому она идет на такой поступок.

Ну а с точки зрения Православия подробное толкование этого места дает Ефрем Сирийский, святой, живший в IV веке.

Он обращает внимание на то, что когда человек совершает очень серьезный грех, то он ощущает приступ радости – надо же, я смог, я переступил, я не такой, как прочие, и т.д. Такая леденящая эйфория – когда человек падает, первые секунды своего падения он воспринимает с восторгом... Ужас приходит потом. Так же и здесь. Ефрем Сирийский предполагает, что когда Ева преступила заповедь, то она как раз почувствовала эту эйфорию, она почувствовала, что действительно совершилось, что случилось что-то с ней, она почувствовала себя богиней. И вот тогда она подошла к Адаму, чтобы показать ему свое новое качество: мол, видишь, я когда-то произошла из твоего ребрышка, а сейчас я богиня. К тебе возвращаюсь, я тебя буду учить жизни. В женщине пробуждается инстинкт власти, господства. Именно этот грех, грех человеческих отношений, и врачует Бог – опять же важно заметить: не наказывает за преступление, а врачует, исцеляет появившуюся болезнь. И произойдет ровно наоборот: последними станут первые, а первыми – последние. Действительно, если мы принимаем толкование Ефрема Сирийского, то библейский текст становится понятным. Дело в том, что Бог не дает

бессмысленных наказаний. Запомните, что слово “наказание” несет двоякий смысл: наказание, как некая дисциплинарная акция, и наказание – наказ, как вразумление.

Вот Господь как раз вразумляет. Он дает лекарство. Не мстит, но лечит. Если мы стоим в аптеке, где люди выписывают различные лекарства, то потому, что они покупают, мы можем понять, что у них болит. Точно так же и здесь: Господь прописывает лекарство, которое врачует отношения между мужем и женой. А эти отношения надо врачевать в смысле, кто первый, кто властвует – в этом месте еще раньше про-изошла трещинка. Господь эту трещинку выправляет в другую сторону. И очевидно, эта жажда господства появилась именно в женщине.

Корр.: А где мы видим, что мужу дается господство над женой?

О.А.: Ну, во-первых, строчки, которые я уже упоминал: о влечении к мужу и о том, что он будет господствовать над женой. Во-вторых, быть может, менее понятный факт – это факт наречения Адамом имени своей жене. Отныне она – Ева. Давайте задумаемся, а почему Адам раньше не дает имя жене. Ведь Библия повествует нам о том, как он нарекает всех животных. Почему имя жене не было дано сразу после этого? Именно потому, что дать имя – значит проявить верховенство. Но верховенство мужа над женой появляется только после греха. После того, как их Бог определяет их новые взаимоотношения. Муж не забыл дать имя жене, а просто не мог, точнее – не имел права. И поэтому наименование жены не просто последнее действие человека в Эдеме, но и первое событие, произошедшее уже после наказания людей Богом.

Корр.: И все же, как Церковь трактует «разность» мужчины и женщины? Почему были созданы двое и разные? И почему не сразу двое?

О.А.: Конечно, это можно по-разному толковать. Мне, например, довелось слышать толкование западноберлинских богословок-феминисток, что дескать, тот факт, что сначала создан Адам, а потом женщина означает, что целью творения Божия была женщина, а мужчина не более, чем полуфабрикат, использованный Богом для создания венца творения.

Но если все же читать библейский текст посерьезнее, то здесь перед нами рассказ не только о первой семье, но и о чем-то большем. Вообще, Библия представляет не столько хронику жизни первых людей, сколько икону – осмысление изначальных событий человеческой истории. Это не протокольная запись очевидца и современника, это рассказ о том, что должен знать о себе самый человек. В каждом из нас живет мужское и женское начало. В той главе Библии, которая описывает грехопадение, нет слов “Адам” или “Ева”, там стоит “га Адам” – это человек как таковой, с определенным артиклем. Это не имя. И есть жена, у которой даже еще нет имени Ева. То есть мужское и женское начало, возможно даже в одном и том же женском существе (это, конечно, не гермафродиты исторических оккультных мифов).

Действительно в каждом человеке есть традиционно то, что считается мужским началом, и то, что считается женским. Разум и чувства. Адам – это такая разумная часть, такая рассудочность в человеческой душе, а с женственностью связывается соответственно чувства. Поэтому первичная основа человека – это “го-мо сапиенс”, существо разумное. И вторично мы уже облечены в чувства.

Самое же возвышенное толкование – это то, которое видит в семье образ Троицы. Единая природа -человеческая природа – у всех трех людей. Троичная любовь – это полное единство, согласие и в то же время единство в различности – вот оно должно быть и здесь, в семье. Христианство – это религия плюрализма, не гегемонистическая. Многие индийские философы, например, говорят, что есть только “Единое” с большой буквы – “Непостижимое”, “Непознаваемое”, “Неизреченное”, а все остальное только кажется. Поэтому если какая-то реальность отлична, не есть “Единое”, то значит – это уже помрачение ума, какое-то осквернение, загрязнение. Библейское повествование с самого начала утверждает, что мир имеет право быть разнообразным, что в мире быть не Богом – это не грех. Быть иным, чем Бог, – это не проклятье. Бог любит разнообразие мира, любовью своей создает разнообразный мир, и этим разнообразием любит. Точно так же и человек, он с самого начала остается разнообразным.

Корр.: Почему Церковь смотрит на брак как на Таинство? В чем его смысл? Почему любовь -искренняя, горячая, чистая – все же будет считаться грехом, если она не освящена церковным ритуалом?

О.А.: Таинством является любая семья. Так что здесь действительно двое в одну плоть сливаются, здесь есть действительно некое преодоление самозамкнутости и есть чудо зачатия, рождения и новой жизни. Таинство в смысле, в конечном счете, непостижимости. Однако при этом в церковном смысле у слова “таинство” есть и иное значение: Таинство как особое действие Бога в мире. Особое действие именно Бога, и Церкви, через Церковь в мире. Поэтому Таинством является не только то, что

происходит во время венчания, а вся жизнь этой семьи, вся ее жизнь есть Таинство брака. Кстати, не случайно в Церкви очень долгое время не было никаких специальных обрядов, связанных с браком – чин венчания появился позже. Просто супруги вместе приходили в храм, причащались, вместе исповедовались, вместе жили церковной жизнью: и в храме, и у себя дома. Они создавали как бы домашнюю церковь в своей семейной жизни. Что касается жизни супругов вне брака, то здесь тоже слухи о церковном невежестве несколько преувеличены. Если это семья, которая живет вместе постоянно, семья, которая как-то декларировала свои отношения перед людьми, перед государственными органами, то Церковь никогда не осудит таких людей.

Церковь признает реальность всех браков, которые заключаются за ее пределами: Церковь признает и браки гражданские, и браки, которые заключены были в других религиях, и в христианских, и даже в нехристианских. Когда в 18 веке началась проповедь русских миссионеров среди калмыков и бурят – буддистских племен – крещение принимали часто целыми деревнями. Перед миссионерами встал вопрос: венчать или не венчать уже существующие семейные пары? Они обратились за ответом в Синод: “Как нам быть? Вот они крестились, взрослые люди, дети у них есть. Должны мы их венчать или нет?”. Ответ Синода был: “Не надо. Уже муж и жена и перед Богом, и перед людьми”. То есть Церковь такие браки признает.

Опять же к сожалению приходится говорить, что некоторые не в меру ревностные и не очень образованные священники сегодня говорят: “Знаешь ли, если ты с мужем не венчана, то значит ты живешь в полном блуде?”. А чаще это говорят даже не священнослужители, а всезнающие приходские бабушки. Это совершенно не правильно,

абсолютно не соответствует церковным традициям. Патриарх Алексей на встречах с духовенством постоянно подчеркивает, что так считать нельзя. Более того – подумайте сами – если муж, скажем, человек неверующий, а священник требует от его верующей жены, чтобы она с ним обвенчалась. Что это значит? Что она будет постоянно капать ему на мозги: “Идем в храм, давай-давай венчаться”. Он человек неверующий. Что же это получается?

Церковь понуждает его лжесвидетельствовать. Неужели же это верный путь ко Христу? Соврать, прийти вот так на венчание? И неужели же люди из-за этого станут ближе к Христу? Так что, мне кажется, здесь очень полезно думать, а не просто поддаваться таким импульсам и эмоциям.

Если же речь идет о христианах, то для них просто странным будет неблагословленное сожитительство, немолитвенное. Вообще, для христианина грешно, неправильно делать дело, если он не просил благословения, Божьей помощи. А тем более для такого важного, быть может самого важного дела, которое у него на земле есть – любовь и создание новой жизни.

Корр.: Да, но с другой стороны, тот же апостол Павел, к примеру, призывает “не искать жены”, лучше “оставаться так”, т.е. не жениться и не выходить замуж. О.А.: Понимаете, здесь это – фундаментальная нравственная позиция. По-настоящему нравственное создание соблюдает определенную иерархию ценностей. Это не просто конфликт, осознание конфликтности добра и зла. Здесь речь идет о сопоставлении доброго и более доброго, высокого и еще более высокого. Давайте немного отвлечемся и вспомним слова Христа: “Если кто не оставит отца своего и мать свою, тот

недостойн Меня”. Эти слова сегодня вызывают очень много возмущения. Ваш Христос, ваше Евангелие проповедуют разрушение семьи, ненависть и так далее. И здесь я хотел бы вспомнить один эпизод, который знаком всем нам.

В фильме “Семнадцать мгновений весны” русская пианистка Кэт оказывается перед выбором – или она должна пожертвовать своим новорожденным сынишкой, которого этот фашистский мерзавец морозит на подоконнике, или же предать Штирлица. Вот перед ней несколько долгов: долг материнский, совершенно понятно. Есть долг офицера – она офицер Советской Армии. Есть долг гражданский – она понимает, что очень-очень много жизней сейчас зависит от нее.

До конца эта сцена в фильме не разворачивается, но в принципе дается понять, что Кэт предпочитает все-таки пожертвовать скорее сыном (природным родством), но исполнить свой человеческий, гражданский долг. Обратите внимание: фильм был снят в советскую эпоху, но с огромной симпатией и пониманием смотрится и до сих пор, в совершенно иных условиях. И ни тогда, ни сегодня я не встречал ни разговоров, ни публикаций, которые бы возмущались: “А вы понимаете, что проповедует этот фильм – ради сталинизма жертвовать детьми!

Пережиток тоталитарного сознания, никакого гуманизма”, и так далее. Не было и нет таких возмущений. Что это означает? Что по сути у нашего народа, и церковного, и нецерковного, есть такое общепринятое понимание, согласие по этому поводу. И фильм настолько корректно, тактично сделан, по-человечески убедительно, что все согласились: “Да. Вот так наверное и надо было вести себя в этой ситуации”.

Ну а теперь у меня вопрос: Если в таком выборе можно – нравственно допустимо, разрешается – пожертвовать ребенком ради Штирлица, почему же в случае выбора, нужды, нельзя сделать это ради Христа? Понятное дело, что нельзя никакой текст понимать вне контекста. Библия – это книга очень семейная, в которой есть настоящий культ брака. Даже в Новом Завете, если у семьи нет детей, она считается проклятой. Это религиозная какая-то неудача произошла с этой семьей. И когда в этой книге мы встречаем: “Если кто не оставит отца своего и мать свою”, то нельзя понимать эти слова слишком буквально, как призыв к разрушению семьи. Очевидно о чем-то другом идет речь. А речь идет о том, что человек должен решить, кто я прежде всего: “Я – сын своих родителей, и их отголосок, их плод, или я – нечто самостоятельное”. И вот в случае, если требование природного родства, природной идентичности вступают в противоречие с само познанием человека, с попыткой отыскать духовную самоидентичность, если здесь возникает противоречие и родители начинают кричать:

“Как ты посмел, мерзавец, пойти в семинарию, когда твой дедушка в армии Буденного воевал, а я член КПСС с 50-го года!” Вот в таких случаях надо сказать: “Пап, я тебя очень люблю. Чтобы между нами все было хорошо, не убивай, пожалуйста, то чувство, ту любовь, которая во мне сейчас родилась сама по себе. Любовь ко Христу. А после этого, когда ть мою сферу не будешь трогать, мы с тобой найдем общий язык”. И так по многим очень вопросам в Новом Завете воспитывается осознанная иерархия ценностей: “Все мне позволено, но не все полезно”. Или: “Вот это хорошо, а это вот – лучше”.

Так же следует понимать и слова апостола Павла. Он благословляет брак, но говорит: “Для тех горячих религиозных чувств, которые ищут чего-то большего, всецелого служения духовному возрастанию, всецелого служения людям ко Христу, для них тогда я благословил безбрачие”. Но это “могущему вместить да вместит”. Повторяю, здесь не выбор между “злом” – браком, и “добром” – безбрачием, а просто указание на разные возможные пути и высказывание апостолом своей точки зрения, о чем он, кстати сказать, прямо и говорит.

Корр.: Значит все-таки монашество оценивается выше семьи? И ни к чему тогда все эти разговоры о культуре семьи, о Таинстве?

О.А.: В настольной книге священника – есть такой семи-томник, пособие для пастырей – глава о монашестве начинается словами, смысл которых сводится к следующему: для тех, кто не способен понести тяготы семейной жизни, в Церкви существует монашеский путь. Вот и судите сами о том, что считается с церковной точки зрения большим подвигом!

Я знаю монахов, которые пошли путем монашества, потому что они на самом деле чувствовали такой религиозный порыв, что решали не размениваться больше ни на что другое. А в то же время я знаю монашествующих, которые избрали такой путь совершенно по другим основаниям.

Например, один мой одноклассник в семинарии. Когда он подал прошение о постриге в монахи, я его спрашивал: “Почему ты так решил?”. Он ответил: “Просто я знаю себя. Я слабый человек. Я не смогу одновременно служить и семье, и Церкви. А я действительно хочу служить Церкви.

Поэтому для меня это более легкий путь. Я его выбираю, так как мне бы хотелось самое главное в жизни сделать”.

И здесь очень важно помнить, что семейная жизнь – это не только медовый месяц. Было бы величайшим обманом, если бы люди думали, что они на всю жизнь смогут сохранить чувства первой влюбленности. Как правило, так не бывает. Поэтому должны быть какие-то иные, намного более глубокие отношения, чем просто романтические чувства первых дней.

А в конце концов это очень тяжело, потому что семья – это значит пустить какого-то другого человека в самую сердцевину своей жизни, жить уже не только ради себя, потерять какую-то автономию. В этом смысле любая серьезная любовь, тем более брак, сродни некоему самоубийству, когда человек перестает жить для себя и начинает жить для другого. Это все очень тяжело, очень болезненно. И здесь Церковь честна – поэтому она и говорит о том, что это путь по-своему мученический. И при венчании на головы молодых возлагаются мученические венцы. И поэтому Церковь, восхищаясь теми людьми, которые вступают в брак, поет им “Святые мученицы...”.

